

Николай ФОТЬЕВ

Николай Иванович Фотьев родился в 1927 году в таежной деревушке на Алтае. В Амурской области живет с 1950 года. Член Союза писателей России с 1972 года. Старейшина амурской литературы, он известен как прозаик и баснописец (книги повестей и рассказов "Те далекие свидания", "Мужчины в доме"; "Вы остаетесь за нас", "Коренные берега", "Горная малина", "Деревенская родня", несколько очерковых сборников, десять книжек басен).

Но так вышло, что до недавнего времени даже друзья писателя не знали, что он пишет еще и лирические стихотворения. В декабре этого года у Николая Ивановича — 70-летие. Поздравляем его с юбилеем — и с ... дебютом. Ведь предлагаемые вашему вниманию стихи — первая книжная публикация его лирики.

Закрыв глаза, без сна лежу,
Молчанье ночи слушаю.
И, словно книгу, ворошу
Всю жизнь свою минувшую.

Плохое и хорошее —
Чем жив и счастлив был —
Все поглотило прошлое.
Но я не все забыл.

Не все в душе истаяло,
Как прошлогодний снег.
Там многое оставило
Неизгладимый след.

* * *

Словно украшен стеклярусом
Синий ночной небосвод.
Белым светящимся парусом
Месяц по небу плывет.
Тихо вокруг. Сонно плещется
В берег речная волна.
Месяц и звезды мерещатся
В царстве подводном без дна.
Мир необъятный, непознанный
Манит и сердце щемит.
Что там, за далями звездными?
Кто там за нами следит?..

* * *

За чередой минувших лет,
Как призрак неприкаянный, маячу,
Ищу себя, на все ищу ответ —
И то смеюсь, то охаю, то плачу.

Вот я наивный мальчик, я птенец,
На совести ни ржавчинки, ни пятен.
А мир вокруг суров и необъятен,
И столько в нем загадок и чудес.

Что там вдали за взгорьем синим?
Кто солнышко зажег, как яркую свечу?
Как скоро стану я большим и сильным
И сделаю все так, как захочу?..

Увы! Скорей всего и в полной мере
Познал я горе, голод и нужду.
Но все же и тогда, и после верил,
Что путь я свой единственный найду.

Я верил. Да не все сбылось.
Так много оказалось бездорожья.
Так долго ждать и прозябать пришлось
В тенетах лжи, неправья и безбожья.

Довольно на пути моем ошибок,
Осознанных не сразу и не вдруг.
Довольно на душе моей ушибов
От фальши, потрясений и разлук.

Но надо ль нынче каяться в грехах?
Грешно ль, что был я вроде Дон-Кихота
И верил восседавшим на верхах
Псевдонародным доброхотам?

Жизнь все сама расставит по местам,
Дурное все, как мусор, отметется,
И новым поколениям, как нам,
Блуждать в казенных шорах не придется.

За чередой минувших лет,
То мальчиком, то мужем я маячу,
Ищу себя, на все ищу ответ
И, то смеюсь, то охаю, то плачу.

* * *

Забыть ли эту деревеньку,
Где отроком, застенчивым весьма,
Я потихоньку, помаленьку
Силенок набирался и ума?

Забыть ли ветхую избушку,
Полати и большую печь,
Где можно было спать залечь
И сделать всякую просушку?

На тех полатах и печи той
Сбирались верные друзья,
И весь букварь тут был зачитан,
И чудо-сказки слушал я.

Нет. И нельзя, и невозможно
Изжить из памяти сполна
Ни деревеньки той таежной,
Ни той избушки в три окна.

* * *

Родились погодками — я и мой брат.
Мы жили отнюдь не богато.
Бывало поспоримся. Кто виноват?
Меня наказать или брата?

По главному счету, виновнее тот,
Кто первый другого обидит.
Но кто это сразу поймет и учтет?
Кто сущую правду увидит?

И смотришь: отец наш посредством ремня
На равных “уважит” его и меня.

Конечно, ремень — неприятная вещь.
Но в строгой деснице отцовской
Он мир и любовь помогал нам беречь
И сдерживал пыл наш бойцовский...

Давно унеслось в невозвратную даль
Смешное и милое детство.
И ныне в делах воспитанья едва ль
Сгодится отцовское средство.

Однако, под знамя какое ни стань,
Дай бог нам судить не двояко:
Где Мир да Любовь, а где грань,
За коей — раздоры и драка.

* * *

В лихой житейской круговерти
Я мог погибнуть много раз.
Но видно Бог меня от смерти
Хранил до срока про запас.

Однажды в юности учил я
Дрючком бодучего быка,
А он сломался — и бычина
Немедля в ход пустил рога.
Схватясь руками за рога, я
Вспять семенил, бежал, как мог
И — о минута дорогая! —
Я изловчился и утек...

В ночном пути под вой бурана
Блуждал я, от жилья далек.
Однако, поздно или рано,
Я выходил на огонек.
Я плавал по речным порогам
И по тайге ходил один.
И, может быть, хранимый Богом,
Я оставался невредим.

Так, значит, был я где-то нужен
И жить обязан был еще...
И добрым людям пусть послужит
Моя рука, мое плечо.

* * *

Что-то в сердце моем встрепенулось,
Что-то в памяти вдруг расцвело,
Будто снова на круги вернулось,
Что однажды пришло и ушло.
Это “что-то” так дорого-мило,
Что я замер на миг, не дыша.
Это “что-то” когда-то уж было,
И его уже знала душа...

* * *

Молчит осенняя дубрава.
Но ветерок дохнет едва —
Дубрава шелестит картова,
Сквозь сон, прощальные слова.

Меж тем, как дождь на лист древесный,
То там то здесь: “Кап-кап!”, “Тук-тук!” —
Созревши, желуди, отвесно
На землю падают вокруг.

Бодрит прохлада плоть живую,
Дубравный воздух чист и прян.
На свежих желудях жируя,
Довольно чавкает кабан.

* * *

По-птичьи гомонит капель,
Светло, залиvisto и звонко.
И скоро выдохнет апрель
Над теплым полем жаворонка.

Начнется новый сев хлебов,
Тепло все души растревожит.
И чья-то светлая любовь
Любовь всеобщую умножит.

* * *

Уединюсь в своей избушке,
Забуду город, шум и гам,
И, может, гостем будет там
Сам Александр Сергееч Пушкин!

Как божье тайное посланье,
Коснется он души моей,
И я почувствую желанье
Глаголом жечь сердца людей.

Скорей из города, скорей —
Туда в избушку у протоки,
Где столько раз в тиши ночей
Давала муза мне уроки.

* * *

Порой в ночи я слышу звуки:
Как будто колокол звонит.
О чем — о встрече иль разлуке
Он сладкозвучно говорит?

Что в нем, печаль или тревога,
Иль чья-то скорбь в ночной тиши?
А может, это голос Бога
Из глубины моей души?..

* * *

В душе моей довольно странная
Печаль всегдашняя жила.
Казалось мне: моя желанная
Меня ждала. Но где ждала?

В каком краю, в какой обители
И как среди жителей Земли
Чадолюбивые родители
Ее назвали, нарекли?..

Все жил я с верой и надеждою,
Что непременно встречу ту,
Кому любовь свою безбрежную
Отдам и счастье обрету.

Прошли года чредою длинною.
Я отыскать ее не смог.
Влюблялся я и был любимым я —
И все же был я одинок.

Я одинок. Все та же странная
Печаль в душе моей живет.
И так же кажется: желанная
Все где-то ждет меня и ждет...

* * *

Есть в каждом уголке земли
Свое лицо и выраженье.
И все достойно уваженья
И человеческой любви.

Вон в половодии туманов,
Сквозь даль воспринимает взор
Хребты и главы синих гор,
Как стадо спящих великанов.

Вот озерцо. Взыграла рыбка,
Пошли круги — и в озерце
Вдруг обозначилась улыбка,
Как у младенца на лице...

* * *

Остыла в летних сумерках заря.
Перепела отбой пропели: “Спать пора!”
И добрый сон объял степной простор.
Недвижно все. И лишь зарницы
Над полем спеющей пшеницы
Вершат таинственный дозор.

* * *

Когда хорошая идея,
Умами многими владея,
Окажется наживкой на уде
Властолюбивого злодея
И приведет народ к беде,
Тогда другой злодей прожженный,
Во имя выгоды своей,
Идеей этой оскверненной
Начнет запугивать людей...

* * *

Критик умный не оплошки
Вскрыть старается, а суть.
А дурак из всякой блошки
Норовит слона раздуть.

ПОЛНАЯ СВОБОДА

Когда-то, в целях воспитания
Идейно правильных людей,
Мы соблюдали указанья
Политбюро, ЦК, вождей:

Не пропускать в печать писанья
Таких, кто мог владеть пером,
Но проявлял самокопанье
И отсебятину порол!

Не пропускать в печать келейность —
Коллективизм иметь в виду!
Блюсти партийность и идейность
И дружно дуть в одну дуду.

И те, что больше угождали
ЦК, вождям, политбюро,
Имели премии, медали,
Чины и прочее добро.

Но вот настали времена:
Нет ни цензуры, ни запретов!
Свобода полная дана
Для беллетристов и поэтов.

Пишите вволю, что хотите,
На всякий вкус, манер, аршин.
Вот только книг не издадите,
Коль денег нет у вас больших.

Чтоб свет увидел вашу книгу —
Плати издателю сполна,
Иначе он покажет фигу —
Не те, мол, нынче времена.

Ну а творцы-то всюду нищи.
Им, хоть умри, не изыскать
Миллионерские деньжищи
И, значит, книг им не издать.

И не придумашь нелепей
И унижительней пути
Для тех, кто в Храм Искусства лепту
Всей жизнью призван был нести...

* * *

Сюда, где не был я давненько,
Как пилигрим, свершил я путь.
— А-у! Родная деревенька!
А-у! Откликнись, кто-нибудь!..
Хранит молчание округа.
Мол, деревеньки нет как нет.

Лишь мимолетная пичуга
Мне что-то свистнула в ответ.
И я стою незванным гостем,
Шепчу печальные слова.
А тишина, как на погосте.
И выше пояса трава.
Душа стонает виновато,
Как будто я в какой-то срок
Все то, что было тут когда-то,
Не доглядел, не уберег.
Кого винить? Их слишком много
Святых сиротствующих мест.
В них боль России и тревога,
И обжигающий протест.
Нет ни крестов, ни обелисков
На месте бывших деревень.
Но, знаю я, тут каждый день
Витают тени наших близких.
Я опускаюсь на колена,
Беру на память праха гбрсть:
Будь навсегда благословенна,
Земля, где жил я, словно гость!

МОЙ ПУТЬ

Ну чем похвастаюсь я, братья.
Как ни крути, мой путь не нов...
Не наловчился сладко врать я
Для "ловли счастья и чинов".

Я жил, как жил — чего еще вам.
Уж чем богат — тому и рад.
Я жил со Сталиным, с Хрущевым,
И с Брежневым, и с Горбачевым,
И с теми, кто теперь рулят.

Не ждал я "ценных указаний",
Своим умом стараясь жить.
Казенных почестей и званий
Не умудрился заслужить.

Я жил, шагая в ногу с веком,
Кормил себя своим трудом.

И оставался человеком,
Как трудно б ни было при том.

Служить кому-либо в угоду
Я, по-холопски, не умел.
Платил я многим за свободу,
За то, чтоб жить, как я хотел...

В ХРАМЕ ПРИРОДЫ

В чаще вдоль сучьев великих и малых
Плети-лианы лимонник простер.
Осенью тут полыхает костер
Гроздьев душистых, рубиново-алых.

Эту красу не могу я в корзину
Просто, как ягоду, рвать-собирать.
В храме природы такую картину
Хочется долго в тиши созерцать.

БАБЬЕ ЛЕТО

В небесах поостыло сиянье,
Поутратила зелень листва.
Это с летом настало прощанье,
Это осень вступает в права.

Навела на листву позолоту,
Спелым соком плоды налила,
Журавлиные стаи к отлету,
В предназначенный срок позвала.

Будет небо ненастливо плакать,
Будет ветер деревья бодать,
Будет хмурь и дорожная слякоть,
Будет стынь... А пока благодать!

Дни тихи и полны светлой грусти.
Чуть гудят провода вдоль дорог.
На жнивье деревенские гуси
Набирают предзимний жирок.

921819154

* * *

В былое не заказаны пути.
И память сквозь любое время
Вновь проведет путями теми,
Что прежде довелось пройти.

Вблизи и в далях поскитаюсь,
Всех, кого вспомню, навещу.
И перед кем-нибудь покаюсь,
И сам кого-нибудь прощу.

Все проплывет, как на экране,
И в мираже небытия,
То в свете ясном, то в тумане,
Как призрак, проплыву и я...

* * *

Закат был сумрачен. И вдруг,
Как раскаленные мечи,
На лес, на воду и на луг
Сквозь тучу грянули лучи.

И загорелся дивный свет
Там, где недавно тень была.
Река вся красная текла,
А лес был в золото одет.

Так, отступив за горизонт,
За уходящим солнцем вслед,
День напоследок слал привет
Всему, что погружалось в сон.

И пусть мгновенье было так,
И чудный свет затем исчез,
Казалось, то был добрый знак,
На землю посланный с небес.

Недвижно, себя чтоб не выдать,
Сидит на пеньке бурундук.
Он видит меня и не видит,
И лапки сложил вроде рук.

Я, весь миролюбье являя,
Стою на виду у него.
— Ну что, — говорю, — каково
Живешь ты, зверюшка лесная?

Молчит. Я на хитрость пустился —
Приветливо “Фюр-р!” просвистал.
Он тотчас солдатиком встал
И слушать меня наострился.

Во всей его позе сквозило,
Что свист мой его удивил.
Неужто, мол, этот верзила
По-нашенски заговорил?

Неужто? И кто же, мол, есть ты?
Твой зов мне понятен вполне.
Ведь этак-то наши невесты
На свадьбу зовут по весне.

Я фуркал, а он волновался.
То лапки к груди прижимал,
То чистился и умывался,
И хвостик свечою вздымал.

Я фуркал. И вдруг поперхнулся.
И понял зверек мой обман —
С пенька сошмыгнул и метнулся
В соседний колючий бурьян...

Пусть вышло в конце бестолково,
Но был я доволен и рад,
Что слушал меня, как родного,
Мой меньший доверчивый брат.

СВИДАНИЕ

Его я чтил и восхищался
Его талантом и умом.
Но в жизни с ним я не встречался,
Ни на пути, ни за столом.

И вот, презревши расстоянье,
В его предел свершил я путь,
Чтобы... на мертвого взглянуть.
Какое горькое свиданье!

* * *

Склонилась ива к озерушке,
Листики роняет в водоем.
Так плачут матери-старушки,
Уединясь в углу своем.
Сидит тихонечко седая,
Чего-то вяжет или шьет
И вдруг сверкнет слеза святая,
На рукоделье упадет.
Опять припомнилось такое,
Что невозможно не всплакнуть.
Как было в жизни нелегко ей,
Какой пришлось пройти ей путь...
Война, лишения, утраты —
Все испытать пришлось сполна.
Есть те, кто в этом виноваты.
Но, Боже, в чем ее вина?

* * *

Припомнятся ошибки да оплошки,
Да согрешения свои —
И заскребут на сердце кошки,
И приумолкнут соловьи.

И поделом! На то и в судьи
От Бога совесть нам дана,
Чтоб было чисто в том сосуде,
Где обитать душа должна.

И я уйду под вечны своды,
 Не мысля, не страдая, не дыша.
 К душе великой матери-природы
 Моя вернется малая душа.

И, может быть, во времени грядущем,
 Как от всего очищенная суть,
 Она опять вольется в душу,
 Кому-нибудь, кому-нибудь.

И тот, кого она встревожит
 Дыханьем тайным тайного огня,
 Мой жребий вознесет, быть может,
 И станет продолжением меня.

ОБНОВЛЕНИЕ

Торгуюсь с ленью и со сном,
 Вставать с постели неохота.
 И все же: что там за окном,
 Какая, стало быть, погода?

Встаю. Три шага до окна.
 Отодвигается гардина.
 О, Бог! Какая белизна!
 Какая чудная картина!

На всем, что видится вокруг,
 Лежит снежок чистейший, нежный,
 Все обновилось, как бы вдруг,
 И мир как будто уж не прежний.

Везде, где грязь была видна,
 Теперь — ни пятнышка, ни кляксы...
 О, если бы и жизнь могла
 Вот так же просто обновляться!